В. ТЕЛЕГИН



# КОСТИНА МОДЕЛЬ



В. ТЕЛЕГИН

# КОСТИНА МОДЕЛЬ

*Рассказы*

СВЕРДЛОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960

Ирине Александровне,
всеми нами уважаемой,
с самыми хорошими пожеланиями
доброго здоровья, счастья.
С [illegible] первым
11/V-60

*Художник А. Казанцев*



## КОСТИНА МОДЕЛЬ

В шестом классе было шумно. Вадик громко рассказывал Косте Захарову о новом аквариуме, который он делает для пиявок, а Костя с жаром доказывал, что аквариум для пиявок — глупость, и звал своего друга в детскую техническую станцию строить авиамодели. Сзади кто-то стучал крышкой парты и кричал:

— Ти-ише! Ти-ише!

Одна Люба Егорова сидела спокойно. Её могут сегодня спросить, поэтому не мешает заглянуть в книжку. Но вот в класс вбежала дежурная Вера Сметанина и позвала её помочь повесить карту.

Пока девочки возились у доски, Вадик перегнулся, взял книжку Любы и, многозначительно подмигнув Косте, спрятал её к себе в парту.

Люба сразу хватилась учебника. Заглянула под парту, в портфель — нет. Обернулась к ребятам:

— Костя, ты взял?

Тот сделал вид, что ничего не знает.

Вадик, как ни в чём не бывало, спросил:

— Что?

— Не притворяйтесь! Вы взяли географию?

— Геогра-афию? — Вадик вытаращил глаза и пожал плечами. У него это получилось очень естественно. Люба не на шутку забеспокоилась:

— Меня же сейчас спросят!..

— Дома надо учить,— спокойно посоветовал Костя.

У Любы зарделись кончики ушей. Она тихо вздохнула и снова нагнулась под парту. Тем временем Вадик положил учебник на место.

— А, вот он! — поднявшись, воскликнула Люба. Она обернулась к Косте: — А ещё притворялся: «Не я!..»

Девочка не успела снова раскрыть книгу: в класс вошла Елизавета Васильевна.

И, как затихает волна прибоя, отходя от прибрежных камней, так сразу улёгся шум в классе. Все встали.

Елизавета Васильевна подошла к столу.

— Садитесь.

Раздался сдержанный стук крышек парт. Не открывая журнала, учительница с лёгкой улыбкой оглядела класс.

— Ребята, есть новость: в школе открывается выставка детского творчества. Каждый должен что-нибудь принести — вышивку, рисунок или что-нибудь смастерить.

— Я аквариум с пиявками принесу! — нетерпеливо выпалил Вадик.

Класс грохнул смехом.

— Пиявки! Бр-р-р! — растопырив пальцы, смеялась Люба.

— Это лечебные пиявки, особого сорта! Попробуй, достань... Мне папа с юга привёз,— оправдывался Вадик.

Елизавета Васильевна открыла тетрадку.

— Хорошо, запишем: аквариум.

Вадик просиял, огляделся. Весь его вид говорил: «Ну, что, съели?».

Скоро подняли руки ещё несколько учеников.

— Я буду спрашивать по порядку,— сказала Елизавета Васильевна.

Костя решил, что он сделает авиамодель с бензиновым моторчиком. Между тем, подошла Любина очередь. Она встала:

— Я принесу вышивку «Володя Ульянов».

Учительница записала. Наконец, Костина очередь. Он откинул крышку парты, поднялся.

— Я сделаю авиамодель с бензиновым моторчиком.

Вадик удивлённо поднял брови и, когда Костя сел, прошептал:

— Это тебе не планер делать...

Но Костя промолчал. Он сумеет сдержать слово. И ему захотелось сказать Любе, которая, наверное, тоже не поверила: «Посмотришь, обязательно сделаю!». Костя тронул её за плечо, но девочка не обернулась.

«Обиделась...» — Костя отвернулся и стал глядеть в окно. Класс их на четвёртом этаже. Мартовский день был солнечный, прозрачный. На соседней улице, за школьным садом, быстро мчались машины. Медленно прошёл по ас-

фальту чёрный утюг «ЗИЛ». Коротко сверкнул бледной вспышкой трамвай. Дальше дымилась электростанция завода, где работал токарем его брат.

...Список составляли долго, потом Елизавета Васильевна стала объяснять новый урок. Когда она повернулась к доске, перед Любой на парту упала записка. Бумажный комок покатился по наклону, но девочка ловко поймала его. Осторожно, чтобы не шелестеть, развернула и прочитала: «Люба! Не сердись на своего Костю, это Вадька спрятал книгу. Я видела».

Люба вспыхнула: «Подумаешь, «свой»... Это Вера Сметанина, её почерк... Если вместе с ним ходим в школу и домой, так уж... Вот возьму сегодня и пойду одна».

Елизавета Васильевна, между тем, заметила, как Люба, задумавшись, смотрела мимо неё отсутствующим взглядом.

— А теперь мы повторим урок,— произнесла учительница.— Ответит Люба Егорова... Где, между какими странами, расположена Франция?

Услышав своё имя, Люба вздрогнула, быстро поднялась и, помедлив минуту, растерянно заговорила:

— Франция расположена... она находит-

ся,— девочка смотрела на карту и усиленно пыталась припомнить, что говорила учительница,— Франция находится...

— Во Франции,— хихикнул Вадик и высоко поднял руку: — Я скажу!

Елизавета Васильевна вздохнула:

— Садись, Егорова. Нужно внимательно слушать объяснения.

Прозвенел звонок. Закончился последний урок. Люба, ещё горевшая от стыда, повернулась к Вадику:

— Я с тобой больше не разговариваю!

— Запла́чу!.. Эх ты, «Франция!»

Люба готова была разреветься, но она сжала губы, схватила сумку и выскочила из класса.

Пройдя квартал, девочка пошла медленней, потом оглянулась: она была уверена, что Костя идёт следом. Но... Костя неторопливо шёл по другой стороне улицы, даже не глядя на неё. Этого Люба не ожидала. Несколько тёплых слезинок вдруг быстро скатились по щеке.

...Костя, придя домой, сварил на примусе картофельный суп, подмёл комнату, написал брату записку, что скоро вернётся, и отправился в клуб. Руководитель кружка авиамоделистов Захар Петрович — высокий мужчина в синих галифе и гимнастёрке, внимательно выслушал

Костю и одобрил решение сделать модель на выставку. Но тайно от мальчика он вздохнул. Дело в том, что трудно будет достать моторчик. Бухгалтер клуба, у которого оформлялись документы, как всегда придвинет счёты и скажет:

— Вы со своими птенцами разорите клуб! Каждый мотор денег стоит,— и на счётах отлетит в сторону восемь костяшек.— Вы израсходовали лимит.

— Но ведь я не могу сказать ребятам: «Не делайте моделей, потому что у клуба лимит вышел».

Бухгалтер обычно сдавался туго, говоря, что делает он это только из уважения к Захару Петровичу.

...Каждый день после уроков Костя теперь спешил домой, готовил обед (он жил вдвоём со старшим братом) и отправлялся в клуб, где работал до окончания занятий кружка. Бывало, утром Костя не прочь был иногда поваляться. Но теперь он вставал вместе с братом, шёл с ним умываться холодной водой и садился за уроки. Похудел. И это заметил Назар. Придя как-то с работы и застав братишку возившимся с примусом, который никак не хотел гореть, он поднял Костину голову за подбородок, тревожно посмотрел в глаза.

— Изменился ты что-то. Похудел.

Когда сели за стол, Назар поглядел на ходики и покачал головой:

— Два часа ухлопал на приготовление обеда. Тебе и уроки некогда делать. Давай-ка пока в столовую ходить.

— Зачем? — удивился Костя. — Только лишний расход.

— Ишь ты, «лишний расход»! — Назар сделал своё скуластое лицо строгим, хотя ему хотелось улыбнуться и погладить вихрастый Костин чуб. Ведь он прав. Они недавно купили Косте новый костюм, и с деньгами было туговато. Но ничего, Назар может взять в кассе взаимопомощи.

После обеда Назар прилёг отдохнуть, а Костя побежал в клуб. В этот вечер Захар Петрович помог ему закончить оклейку и покраску модели. И вот она — голубая модель — стоит на шасси из резиновых колёсиков, готовая сделать разбег и стремительно взмыть вверх.

Скоро модель разобрали, уложили в фанерный ящик, и мальчик, гордый и счастливый, бережно понёс её домой.

По дороге встретился Вадик.

— Что это ты несёшь?

— Авиамодель.

— Авиамодель? В ящике? — удивился Вадик.— Ну уж, врёшь!

В другое бы время Костя обиделся, но сейчас он приоткрыл крышку, и Вадик собственными глазами смог убедиться, что в ящике, действительно, модель.

— Тебе неудобно нести одному. Можно, я тебе помогу? — сказал вдруг Вадик.

Костя великодушно разрешил.

Дома он собрал модель, поставил посередине пола и включил моторчик. Пропеллер погнал упругие потоки воздуха, несколько листков календаря на стене загнулись кверху, мелькнули майские красные числа.

— Эх, запустить бы! — мечтательно произнёс Вадик.

— Что ты! Улетит, потом ищи.

— «Улетит»... А может, ещё и не полетит совсем.

Костя промолчал: Вадик был прав. Чтобы сказать «самолёт готов», его надо испытать.

— Ну, хоть раз... Пусть во дворе спланирует с крыши.

— Нет, нельзя.

— А говорил «летать может»,— Вадик скривил губы.— Так тебе и поверят.

Косте и самому хотелось убедиться, пра-

вильно ли сделана модель, хорошо ли будет она вести себя в воздухе. Он заколебался и скоро согласился. Ребята забрались на крышу сарайчика. Костя взял модель за середину фюзеляжа и за моторчик, высоко поднял на вытянутых руках, потом подался всем корпусом вперёд, подтолкнул — и модель медленно и плавно поплыла над двором.

— Ура-а-а! — в восторге закричал Вадик, но тут же смолк: неожиданно налетевший из-за высокого соседнего дома ветер подхватил модель, она рывком взмыла кверху, потом накренилась и... стремительно понеслась на дверь Костиной квартиры.

Костя не слышал сухого треска. Он закрыл лицо. Не хотелось верить в то, что произошло...

Когда он отнял ладони, перевёрнутая модель лежала на пороге. Вадика рядом не было. Не было его и во дворе.

Костя медленно слез с крыши. Мелькнула надежда: может быть, мотор уцелел. Крылья и фюзеляж он починит, ночи не будет спать, а починит. Лишь бы мотор...

Но от удара сломался валик. Пропеллер валялся в стороне с половиной валика, зернисто сверкавшего в изломе. Фюзеляж и крылья

почти не пострадали, лишь в нескольких местах порвалась бумага.

Мальчик отнёс модель в сарай и сел на ступеньках крыльца. «Всё! — с отчаянием подумал он.— Что теперь скажет Захар Петрович?»

...На другой день, когда Костя вошёл в класс, все почему-то сразу смолкли. Он сел на своё место, огляделся и увидел Вадика, который пересел на последнюю парту и, виновато склонив голову, бесцельно рылся в сумке. Костя усмехнулся: «Думает, что я на него обиделся... И уже успел всё рассказать».

Люба на перемене хотела подойти к Косте и расспросить обо всём, но не решилась. «Ладно, после уроков». Но перед последним уроком Костя неожиданно ушёл. Елизавета Васильевна сразу хватилась его.

— Ребята, почему ушёл с урока Захаров? — спросила она.

Класс молчал. Головы многих стали поворачиваться к задней парте, в сторону Вадика. Это не ускользнуло от внимания учительницы, и она попросила Вадика встать и сказать, почему ушёл Костя.

Вадик нехотя поднялся. Путаясь в выражениях, он повторил то, что уже рассказал классу о случае с моделью.

Ребята решили: надо кому-то сходить к Захарову домой. Может быть, нужна помощь? Кто же пойдёт?

Любу словно кто поднял. Резко откинув крышку парты, она встала:

— Елизавета Васильевна, я схожу...

С Любой вызвались идти ещё двое: Ваня Арсентьев и Лёва Коровин.

* * *

Ребята долго стучали в дверь. Никто не отвечал. Решили подождать и уселись на крыльце. Скоро во двор вошёл высокий мужчина со скуластым лицом.

— Кого вы ждёте, ребята? — спросил он.

Люба ответила, что они пришли по поручению классного руководителя к Косте Захарову по очень важному делу.

— Вот как? — удивился Назар, открывая дверь и приглашая гостей в комнату.— Что-нибудь натворил, наверное? Говорите мне, я его брат. Так всыплю, будет, как шёлковый.

— И вовсе не натворил,— разом ответили Люба и Ваня.

— Он просто... ну, получается так, что слово не сдержал... и ещё сбежал,—сказав это, Люба смутилась, но Лёва поправил:

— Ушёл с последнего урока.

Желваки скул Назара беспокойно задвигались. Он потёр свой нахмуренный лоб, точно стараясь разгладить складки.

— Слово не сдержал? — спросил он. — Учительницу обманул?

— Да... и учительницу, и класс... Он модель разбил. Вот мы и пришли помочь,— сказала Люба и представила мальчиков: — Ваня и Лёва умеют точить на токарном станке и делать слесарные работы. Они у нас занимаются в школьном техническом кружке, сами сделали парусную яхту.

Назар непонимающе поглядел на Любу, перебил:

— Какая модель? И при чём здесь учительница?

Поняв, что брат Кости ничего не знает о выставке, о модели, ребята всё ему объяснили.

— Выставка, говорите, организуется? Все в классе, кроме него, сделали, что обещали?— снова спросил Назар.

Что-то вспомнив, он поднялся, вышел во двор. Вернулся с фанерным ящиком, поставил его на пол, раскрыл. Все части авиамодели были целы, за исключением валика мотора.

Нужен бы новый мотор. Но где его достать?

Назар посмотрел на ходики.

— Вот что, ребята. Вы идите домой. Спасибо, что пришли. Ну, шагом марш уроки делать!

...Костя тем временем бродил по городу. Он заходил во все магазины подряд, старательно осматривал витрины, полки, словно его и в самом деле очень интересовали зубные щётки, нитки и детская коляска с куклой. Но вот магазины стали закрываться.

Смеркалось. Повсюду в окнах светились огни. Костя нехотя побрёл домой.

Назара не было. Костя положил сумку, подошёл к шкафу, чтобы взять кусок хлеба, и тут же вспомнил, что забыл зайти в булочную. Он стал торопливо одеваться.

Но тут вошёл Назар. В одной руке он держал банку консервов, в другой — белый батон. Пройдя к столу и положив покупки, он спросил строго:

— Ты где это пропадал?

Костя неопределённо махнул рукой.

— А чего грустный? Всё о моторчике горюешь?

Белёсые Костины брови поднялись:

— А ты откуда знаешь?

— Знаю... Приходили тут к тебе целой делегацией: двое ребят и с ними девчонка, рыженькая такая, с косичками.

— Любка?! — обрадовался Костя. Но, вспомнив о сломанном моторчике, тяжело вздохнул.

Назар угрюмо проговорил:

— Да, плохи у тебя дела.

— Я хотел... я думал, он спланирует.

— Хотел, думал... Теперь поздно об этом. Теперь надо думать, как поправить дело, чтобы не опозориться перед всем классом.

Назар сел на табуретку и принялся распечатывать консервы. А Костя продолжал стоять посредине комнаты, понуря голову, кусая губы.

Назар нахмурился:

— Ты, брат, не раскисай. Это не по-мужски. Садись, ужинай и послушай, что я придумал.

Костя сел и, не меняя выражения лица, медленно поднял на брата глаза. Тот достал из кармана валик, подбросил на ладони:

— Выточим его на станке... Хочешь, сам сделай.

«Самому в цехе поработать!— Костя обра-

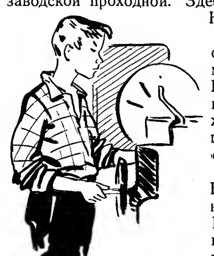
дсвался. — Вот будет здорово!.. Ребята от зависти умрут!»

— Ладно! — торопливо согласился он, будто боялся, что в следующую минуту брат может раздумать.

— Ну, тогда завтра после школы приходи к заводу.

* * *

На другой день, прибежав из школы, Костя бросил сумку, наскоро перекусил и помчался к заводской проходной. Здесь его уже ожидал



Назар.

— Ну, пошли, — он взял его, как маленького, за руку. Вахтер, в защитной гимнастёрке, с кожаной кобурой на широком ремне, спросил:

— Братишка?.. Ну, ну, — и, улыбнувшись, подмигнул Косте, который испугался: «а вдруг не пустит?»

В цехе Костя невольно растерялся. Никогда ещё ему не приходилось видеть столько станков! Да ещё каких! Вон тот, например, в середине цеха,— огромный, с медленно вращающимся большим чугунным кругом и тремя деталями. Поставь вместо них какие-нибудь фигуры,— настоящая карусель выйдет!

Между тем, Назар подошёл к небольшому токарному станку.

— Здесь будешь точить.

Он показал, как зажимать в патрон заготовку, включать и выключать станок, как подавать резец.

Костя долго возился с зажимным ключом, плохо попадая в маленькие квадратные ячейки патрона. Наконец, кулачки патрона сошлись, крепко сжали заготовку, и он надавил чёрную кнопку «пуск». Взвизгнул мотор, патрон начал быстро вращаться.

Костя стал подводить суппорт. Тонкий носок резца с колющим скрежетом забрал глубокую стружку, и вдруг... сломался.

Костя похолодел: «Всё! Теперь Назар выгонит из цеха!»

— Надо осторожнее,— строго заметил Назар и, сняв резец, установил новый.

Мальчик упрямо сжал губы, точил долго и

старательно, часто выключая станок, меряя штангенциркулем ярко блестевший валик.

Но размера он не выдержал. Когда Назар смерял валик, то грустно покачал головой и выбросил его в ящик...

— Я другой выточу... Я сейчас... — сказал Костя, с трудом сдерживаясь, чтобы не расплакаться.

Но Назар посмотрел на часы.

— Нет, время уже позднее. Завтра доделаешь.

На другой день Костя, увереннее чувствовал себя за станком. Но валик ещё не получался. Точить надо было с такой большой точностью, о которой он раньше и не слыхал. Каждый миллиметр, оказывается, делится на десять частей. А каждая десятка ещё делится на сотни! Вот какую точность надо было выдержать!

Как ни старался Костя, а снимал стружку толще, чем нужно,— и валик шёл в брак.

— Ничего у меня не получается! — наконец с отчаянием выпалил он.

Назар рассмеялся:

— А ты как же думал, деталь выточить — раз плюнуть? Терпение нужно, да ещё какое, милый, — он вздохнул:— Ну что ж, придётся мне самому.

Костя вдруг представил, как узнают в классе, что он не смог сделать валик. Люба, Вера, Вадик... Нет-нет, он сделает сам! Время ещё есть. Нужно терпение! Назар прав: нужно терпение.

...И на другой день он снова пришёл в цех. Когда осталось снять последнюю — тонкую стружку, Костя перевёл дух: ведь это была преграда, которую ему никак не удавалось преодолеть.

«Осторожнее... не спешить», — командовал себе Костя и, закусив губу, подводил суппорт.

Не почувствовал, как носик резца коснулся металла,— только увидел тонкую кудреватую стружку...

Костя вспотел пока, наконец, доточил валик. Выключив станок, он рукавом рубашки вытер лицо и стал замерять.

Штангенциркуль на этот раз показывал точный размер!

Он не поверил себе, подошёл... нет, подбежал к Назару. Назар долго проверял валик, и наконец, тронул братишку за плечо:

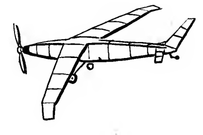
— Вот теперь ты токарь.

Костя, казалось, не расслышал этих слов,— так сильно от радости стучало его сердце.

...А через полчаса, помывшись в душевой, они вышли с Назаром из цеха.

Было радостно на душе, что сделан валик — выдержан трудный экзамен, что теперь он принесёт свою авиамодель на выставку. И, вместе с тем, стало немножко грустно: ему ещё надо ждать год, а то и два прежде, чем он сможет стать токарем. Костя завидовал брату, который и завтра и послезавтра будет работать в заводе и вот также после смены, смыв горячими струями воды свою усталость, весёлый и бодрый пойдёт домой.

Но и его время придёт. Нужно только терпение!





## БАБУШКИН НОЖИК

Старший брат Лёня с утра отправлялся в школу, и Вася скучал. Он каждый день просился с Лёней, да тот не брал его. Вот и сегодня. Вася даже собрался плакать, но бабушка пригладила его белёсый хохолок и сказала:

— Подожди пару годков, и ты пойдёшь.

...Вася сокрушённо вздохнул: чем бы заняться? Бабушка варит клюквенное варенье, но он его уже наелся. Залезть бы на берёзу, что у самого забора, за которым сад дяди Феди,— да

таганок с потрескивающими щепками на самой середине двора: бабушка всё видит. Тогда Вася решил объехать двор на своём коне-палке.

Около забора он остановился, глянул в щёлку: Совсем рядом, на низенькой развесистой яблоне висели крупные яблоки с подрумяненными боками. На каждом весёлыми бликами играло золотое осеннее солнце. У Васи даже слюнки потекли: так близко! Надо обязательно рассказать Лёне... Скорее бы он приходил! Но время тянулось удивительно медленно: варенье уже готово, а Лёни всё ещё нет. Но вот, наконец, калитка с шумом распахнулась, и во двор, размахивая портфелем, влетел радостный, раскрасневшийся от бега, брат. На мгновение он остановился, увидел бабушку, склонившуюся с ложкой над медным тазом, бросил в руки братишки портфель и стремглав помчался пробовать варенье. Вася, необыкновенно счастливый, с гордым видом взял портфель в правую руку и, размахивая им, как это делает отец, уходя утром на работу, не спеша пошёл в дом.

Скоро бабушка позвала обедать. День был тёплый и поэтому ели во дворе, под берёзой, за лёгким качающимся столиком.

Вася всё время косился на забор, отыскивая щёлку. Ему очень хотелось поскорее рас-

сказать Лёне о чудесных яблоках. Он решил: как только бабушка пойдёт мыть посуду,— так и расскажет. Но Лёня доел котлету и, зачерпнув несколько ложек варенья из банки, вылез из-за стола.



— Не хочу больше. Пойду готовить уроки,— сказал он.

И Вася снова остался один. Бабушка увидела, что ему скучно и попросила помочь ей убрать со стола посуду. Потом они укладывали в банки варенье. Бабушка уже успела наполнить вареньем третью банку, а Вася всё ещё возился с первой. Варенье — густое и липкое — не отставало от ложки, и Вася сильно стучал по краю.

— А ну, помощник, дай-ка сюда, а то ещё разобьёшь,— бабушка отобрала банку и подтолкнула внука: — Иди лучше побегай.

Вася отправился в избу, осторожно подкрался к двери и заглянул в замочную скважину.

Брат сидел за столом перед раскрытым букварём и читал вслух. Вдруг Вася нечаянно покачнулся, нажал лбом дверь, она скрипнула и медленно открылась.

— Тебе чего надо? — сердито спросил Лёня.— Не мешай читать.

— Здесь моя лошадь...— соврал Вася:

Он вошёл в комнату и полез под кровать. Там погромыхал ящиком из-под посылки, громко чихнул:

— Нету, кто-то взял,— сказал он, притворно вздыхая.

— Бабушке, наверное, твоя лошадь понадобилась.

Вася рассмеялся и окончательно осмелел.

— Зачем она ей? — спросил он, вылез из-под кровати, подошёл к столу и забрался на стул напротив брата. Тот отвернулся и стал глядеть в окно. Вася тоже посмотрел, но кроме куска голого двора да одинокой берёзы ничего интересного не увидел.

— Лёнь... А я чего видел в саду у дяди Феди,— наконец сказал Вася.

— Чего? — недовольно переспросил Лёня.

— Яблоки... Румяные-румяные, совсем поспелые — и, боясь, как бы его не перебили, Вася торопливо рассказал о яблоках.

Через минуту братья были уже во дворе. Прижав носы к забору, они долго любовались яблоками. Наконец, Вася решительно взялся за доску и попытался её оторвать.

— Не надо, заскрипит... — прошептал Лёня.— Эх, была бы длинная палка. Залезть бы на берёзу — и сшибать яблоки.

— У нас есть палка! — обрадованно зашептал Вася.— В сенях! Я сейчас принесу.

Он сорвался было с места, но Лёня удержал:

— Обожди ты, торопыга. Ничего так не получится... Яблоки упадут на землю — и всё!

— М-м... — Вася вытянул губы и, казалось, того и гляди расплачется. — Надо тогда доску оторвать: Я хотел же..:

— «Хотел-хотел», — передразнил Лёня, кусая губы, а сам думал: ну как же достать?.. Как?.. И вдруг догадался: надо сделать сачок, приделать к палке сетку, чтобы яблоки в неё падали...

— Обожди-ка! — Лёня стремглав побежал в сарай и притащил кусок проволоки. Загадочно подмигнув удивлённому братишке, сказал: — Ты у меня сегодня обязательно поешь яблок.

В сенях они захватили палку, занесли в

комнату. Лёня быстро сделал из проволоки обруч, ловко прикрепил его к палке и велел Васе принести авоську и бабушкин ножик с тонким, острым лезвием.

Вася принёс всё, что от него требовали и стоял, удивлённо теребя свой хохолок, не понимая, что к чему. Но, когда брат пристроил к обручу авоську — получился настоящий сачок — и стал привязывать в середине ножик, Вася вдруг догадался и радостно захлопал в ладоши:

— Ура-а!.. Я знаю, я знаю!

— Тише ты! — испуганно прошептал Лёня и спрятал сачок под кровать. Сделал он это вовремя: на крик вошла бабушка.

— Вы что тут шумите? — спросила она. Взгляд её вдруг остановился на высунувшемся конце сачка. Ребята замерли.

— Ну, уж палка в комнате ни к чему. Уберите её на место и не смейте больше таскать сюда.

Бабушка ушла, и ребята облегчённо вздохнули. Скоро они вытащили сачок и тихонько, крадучись, вышли во двор.

Забравшись на берёзу, Лёня осмотрелся, протянул сачок к самому крупному яблоку и легко срезал его ножом, оно мягко шлёпнулось



в сетку. Мальчик притянул сетку к себе, вынул яблоко и, кинув его братишке, подвёл нож к другому яблоку.

Он так увлёкся своим занятием, что даже не слышал, как скрипнула дверь, и в сад вышел дядя Федя. Вася, который поднёс было яблоко ко рту, увидел его в щёлку, вздрогнул, и по спине мальчугана пробежали мурашки.

Дядя Федя молча смотрел, как Лёня снова подтягивал сетку. Потом покачал головой и вошёл в дом. Лёня, между тем, не замечая опасности, бросил яблоко, и оно угодило растерявшемуся Васе в голову. Тот схватился за ушибленное место и громко заплакал.

— Тише ты, рёва!.. Нечего было голову подставлять! — прикрикнул Лёня.

Но, когда сквозь слёзы Вася сказал, что дядя Федя всё видел, Лёня побледнел и от неожиданности выпустил шест из рук. Прошуршав в ветках, шест упал по ту сторону забора.

— Ой!.. — тихо воскликнул Лёня. —Бабушкин ножик!..— Но только махнул рукой и, быстро, не обращая внимания на сучки, которые его больно царапали, слез с дерева. Вася дрожащими руками собирал яблоки и бросал их обратно через забор.

* * *

Вечером, за чаем собралась вся семья. Бабушка поставила перед каждым по блюдечку варенья. Мать с отцом стали дружно расхваливать. Лёня попробовал — ничего не сказал. Вася отпил глоток чая и даже не глянул на варенье.

— Ты не заболел? — мать тронула Васин лоб. — Почему они оба сегодня грустные? Уж не натворили ли чего-нибудь?

Бабушка не ответила: она была занята поисками ножа, осматривала всё в столе, в буфете.

— Интересно, куда мог запропаститься мой ножик?.. Ребята, вы не видели?

Вася опустил голову, часто заморгал. Он уже хотел во всём признаться, как вдруг в дверь постучали. Вошёл дядя Федя с небольшой корзинкой, накрытой листьями. Поздоровался. Все дружно ответили на приветствие, только Лёня и Вася, как по команде, опустили головы. «Что-то будет!» — подумал каждый со страхом.

Бабушка между тем пригласила гостя к столу:

— Проходите, Фёдор Степанович, проходи-

те. Садитесь, отведайте свежего варенья с чаем.

Отец предложил стул.

— Спасибо,— ответил дядя Федя.— Я вот яблочек вам принёс... Уродились у меня нынче...

Он поставил корзинку на стол, снял листья, — из корзинки выглянули крупные спелые яблоки.

— Ух, какие! — воскликнул восхищённый отец.— Видать, недаром вы, Фёдор Степанович, повозились со своим садом. — Он достал два яблока и протянул их мальчикам: — Ну-ка, пробуйте, а то вы что-то носы повесили.

Лёня и Вася, красные от стыда, не могли поднять глаз.

— Ешьте, ешьте, ребятки,— добродушно улыбнулся дядя Федя. В голосе его не было никакого упрёка. У Лёни даже навернулись слёзы: они с Васей так обидели человека, а он будто и не помнил об этом. Мальчик не выдержал. Он вдруг быстро поднялся из-за стола и, к удивлению всех, выбежал из комнаты.

Только дядя Федя не удивился. Незаметно для присутствующих он вынул из корзинки ножик и положил на стол. Вася увидел ножик и... тоже начал медленно слезать со стула.

— А ты куда?! — ещё больше поразилась

мать, хотела схватить сына за руку, но он ловко вывернулся — и его как не бывало в комнате.

Бабушка увидела перед собой ножик, словно свалившийся с неба.

— Господи! Ищу его, а он вот, под рукой... До чего забывчива стала. Грешным делом, на ребят думала: не стащили ли проказники строгаться.

Дядя Федя похвалил варенье и спросил, как его варят. Бабушка охотно поделилась своими «секретами», потом посмотрела на стенные часы, взяла два больших яблока и пошла к внукам.





## НА НОВОЙ ДАЧЕ

Васин отец всегда брал отпуск в конце мая. Квартиру запирали, ключи оставляли у соседей, и семья отправлялась на дачу. Нынешним летом отца задержали на заводе, поэтому дачу успели занять другие.

В воскресенье, с утра, отец взял с собой Васю, и они отправились искать новую дачу. Ходить им пришлось долго, потому что все дачи были заняты... Уже в полдень они подошли к большому дому с густыми акациями под окна-

ми. Он стоял у самого пруда, к которому тянулся огород в молодой изумрудной зелени картофеля, гороха и лука. На грядке они увидели мальчишку в коротких штанах и синей майке-безрукавке. Через плечо у него висел лук, к ремню был привязан колчан со стрелами. Он срывал недозревшие стручки и воровато оглядывался на окна.

— Ну, может, здесь нам с тобой, Вася, повезёт,— сказал отец и уже хотел стучать в калитку. Но в это время окно вдруг резко распахнулось, высунулась голова старухи.

— Лёвка, окаянный, опять на грядке! Вот я тебе!

Мальчишка побросал стручки и проворно спрятался за сосну, что стояла в середине двора.

Отец окликнул старуху, скоро она вышла к калитке. Узнав, зачем к ней пожаловали, пригласила в дом.

Вася остался во дворе. К нему подошёл Лёвка, оглядел своими маленькими бегающими глазками его полотняный костюм, потрогал значок с изображением голубя.

— Давай меняться! Ты мне значок, а я тебе наконечник. Ладно? — с этими словами он достал из кармана три наконечника, выбрал по-

ржавевший и протянул Васе. Вася наотрез отказался меняться.

Лёвка удивился.

— Ты не стреляешь из лука? — снял с плеча лук, зарядил и прицелился в дерево. Мелькнул оперённый конец стрелы, и через секунду донёсся тихий стук: стрела вонзилась в середину обведённого мелом кружка.

— Вот здорово! — воскликнул Вася.

— А ну, ты попробуй.

Вася долго целился, лук дрожал в руках. Наконец, выпустил стрелу, но... она даже не попала в дерево. Лёвка расхохотался. Потом вдруг смолк, увидев большого белого петуха, который, потряхивая своим огненным гребешком, подошёл к изгороди, взлетел на столбик. Лёвка отобрал лук, торопливо зарядил его и, почти не целясь, выстрелил. Петух, изогнув шею, закукарекал, но подлетевшая стрела ударила его в бок, — он поперхнулся, подпрыгнул и в диком испуге кинулся прочь. На счастье, перья выдержали удар, стрела отскочила, и петух отделался испугом.

На крыльце тем временем показался отец.

— Ну вот, Вася, здесь будем жить лето.

* * *

Васю поселили с Лёвкой. Комната была небольшая, с одним окном, выходящим в палисадник. Ребята поначалу неплохо сдружились, всюду ходили вместе — купаться, ловить рыбу, за грибами, за ягодами. Они хорошо загорели, и отец прозвал их негритятами. И всё было бы хорошо, но Лёвка очень любил командовать, хотел чтобы Вася во всём ему подчинялся. Из-за этого между ребятами начались стычки. А недели через три произошла крупная ссора...

Однажды с полной банкой рыбы Вася возвращался по берегу пруда. Недалеко от дома, на заросшем травою мыске, он неожиданно увидел совёнка, тёмно-серого, в светлых колечках. Совёнок повернул к нему свою большую голову, уставил круглые немигающие глаза, потом хотел взлететь, но одно крыло безжизненно отвисло.

Вася снял пиджак, ловко накрыл совёнка и принёс домой. В комнате он нечаянно нажал на больное крыло — совёнок яростно забился в руках и как-то странно засопел. «Сопка, — неожиданно дал ему Вася имя, — что с тобой?»

Но, приподняв крыло, вздрогнул: в теле птицы торчал наконечник стрелы.

— Ах ты, бедняжка! — воскликнул Вася.— Кто же это тебя так?..— Он осторожно вытащил наконечник. Потом бережно опустил совёнка на пол и отправился на кухню за свежим мясом, чтобы накормить своего пленника.

Когда вернулся, то рассмеялся: Сопка проворно доставал клювом из банки рыбу и аппетитно разделывался с ней.

Скоро вошёл Лёвка, бросил лук на кровать. Увидев совёнка, который сидел в углу, нахохлившись, обрадованно воскликнул:

— Вот он где!.. А я его ищу.

Подбежал, протянул было руку, но совёнок сердито засопел и ударил клювом.

— Ты ещё клевать!

Лёвка схватил лук, вставил стрелу. Но Вася вступился:

— Не трогай!

— Он мой, я его подбил,— и нацелился. Но Вася схватился за стрелу, сказал решительно:

— Не смей!.. Я его принёс...

— Всё равно он мой,— и Лёвка замахнулся на Васю.

Они бы подрались, не зайди случайно в это время отец Васи. Он пристыдил обоих, и ребята стихли. Вася скоро забыл о ссоре. Но не таким оказался Лёвка...

На другой день утром Вася встал первым, взял удочку и побежал на пруд, чтобы наловить для Сопки рыбы.

На дворе светло. Солнце готово было вот-вот подняться из-за леса. Порозовевшие тучи широким веером расходились по небу. Вася встал на камень, с которого мать обычно мыла посуду, закинул удочку. Не успела насадка опуститься на глубину, как в воде серебристо блеснул бок плотвы. В следующую секунду поплавок потянулся в сторону, Вася дёрнул удилище, и рыбёшка затрепетала в воздухе.

Вася побежал домой. Лёвка ещё лежал в постели.

— Вставай скорее,— как ни в чём не бывало сказал Вася. Но услышал сердитый ответ:

— Я с тобой больше не разговариваю.



С этого дня Вася стал опасаться за совёнка. И скоро убедился, что опасался не зря... Как-то его послали в магазин.

Вернувшись, он увидел в одном углу жалобно мяукавшего соседского рыжего кота, в другом — Сопку, который топтался на месте, прикрывая оставленную про запас рыбу и стуча клювом. Кругом валялись перья.

Вася всё понял: здесь была битва. Но ведь дверь была закрытой?.. Конечно, кота впустил Лёвка!

Кот тем временем, хромая на одну лапу и испуганно озираясь на совёнка, выскочил в дверь.

Сопка заметно подрос. Крыло его давно зажило, теперь он стал куда-то улетать на целые ночи. Однажды, под вечер, во дворе поднялся куриный гвалт. Вася выскочил из комнаты. На пеньке спиленного дерева, где рубили дрова, мясо и петушиные головы, важно восседал Сопка. Куры попрятались в картофельной ботве. Только петух храбрился и делал вид, что собирается сразиться с Сопкой.

Вася отнёс Сопку в комнату. Однако проказнику понравилась эта вылазка, и на другой день, как ни в чём не бывало, он снова устроился на пеньке.

У хозяйки пропало несколько цыплят. Она устроила скандал, потребовала заплатить ей и выкинуть сову. Напрасно Вася плакал, отец

с матерью сказали, что сову нужно отнести в лес. Но на другой день произошло событие, которое спасло Сопку.

Утром во дворе снова вдруг зашумели куры, точно на них напали сразу десять коршунов. В этот шум неожиданно вмешался истошный кошачий крик. Все выскочили во двор и здесь увидели любопытную сценку. В спину соседскому коту, в зубах которого торчали перья, вцепился когтями Сопка. Разбойнику, наконец, удалось вырваться, и он, что было духу, бросился на свой двор.

Спустя несколько дней после этого случая, Сопка вдруг пропал: улетел и больше не вернулся. Вася долго искал его, спрашивал ребят, не видали ли они случайно тёмно-серой совы в светлых колечках, но Сопка так и не нашёлся. «Наверное, он остался в лесу»,— грустно подумал Вася.

* * *

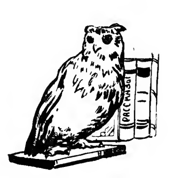
Стояла глубокая осень. Стали задувать холодные ветры. По утрам люди выглядывали в окна, ожидая снега. В воскресенье Вася с отцом отправились за город. До вечера они бродили по пустому лесу, возвращались дачными

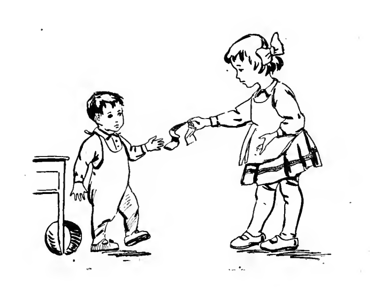
местами. В садах опали листья. Лишь кое-где, на самых макушках деревьев, они торчали одинокими заскучавшими воробьями. Пахло высушенным сеном.

Шли мимо дачи, где прожили лето. В Лёвкиной комнате горел свет. Вася заглянул в окно и... на книжной полке увидел сову — тёмно-серую, в светлых колечках.

— Сопка! — радостно воскликнул он, подбежал к загородке, схватился обеими руками.

Да, это был Сопка. Но почему он на полке? Почему сидит неподвижно?.. На круглых стеклянных глазах совы Вася только сейчас заметил мёртвенный отблеск света, и понял, что Сопка теперь просто чучело...





## ПОДАРОК

Меня зовут Олей. Хотите, я расскажу, как мы отметили день рождения моего братишки Пети? Ну, слушайте.

Это было вчера. Проснулась я, когда мама и папа уходили на работу. Мама подошла, укрыла меня одеялом:

— Спи, тебе ещё рано вставать.

Мама с папой ушли, а я стала смотреть на солнечный зайчик на потолке. Значит, ночью

прошёл дождик и лужа у дома не высохла. Я лежала и думала: вечером Петю будут поздравлять с днём рождения, принесут подарки. А что я подарю?

Долго не могла ничего придумать. Но вдруг обрадовалась: а что, если к вечеру научить его ходить? Вот будет здорово! Он у нас ходит, только когда держится за чей-нибудь палец.

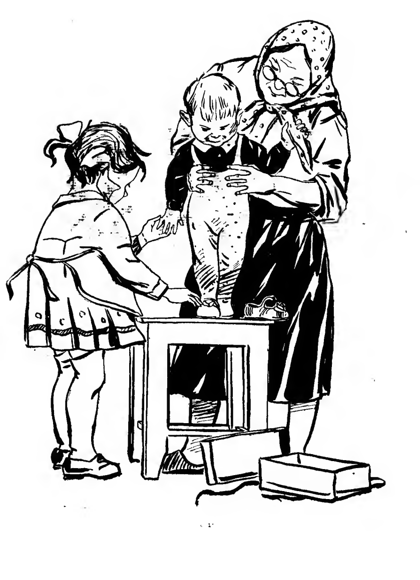
Так и решила. Я снова посмотрела на зайчика. Он почему-то прыгал сейчас часто-часто. Наверное, ветер поднялся. Я глянула в окно — и вовсе не ветер. Это соседский Лёнька кидал в лужу камни.

В это время в комнату вошла бабушка. Она принесла картонную коробку, перевязанную шёлковым шнурком. В коробке были туфельки для Пети.

— Буди именинника,— сказала бабушка.

Я разбудила Петю, и мы обули его в новые туфельки.

...После завтрака я поставила Петю посредине комнаты у стула — он схватился за него ручонками. Я сказала, что он сегодня именинник, поздравила его. Но Петя отвернулся и захлопал ладошкой по стулу. Тогда я позвала его к себе. Он рассмеялся, затопал ножками и закричал:



— Ти, ти, ти!

Это по-Петиному значит: боюсь, боюсь, боюсь!

Тут на туфельке развязался шнурок. Я стала завязывать, а Петя схватил мою ленту в косичке и потянул изо всей силы. Мне стало так больно, что я решила не учить Петю. Отошла к окошку и стала смотреть на улицу. Лёньки уже не было. День был солнечный, и мне очень хотелось побегать. Но как же быть с Петей? Я оглянулась на него и ахнула: он стоял, не держась за стул. Он, видно, хотел идти, да боялся сделась шаг.

— Ну чего здесь страшного? — сказала я и позвала его к себе. Но Петя снова схватился за стул.

«А что, если перед ним держать ленточку? — подумала я. — Он станет тянуться за ней и обязательно пойдёт». Долго не раздумывая, выплела из косичек свою ленточку и поднесла её к Пете. Он быстро протянул за ней руку, а когда я отвела ленточку подальше, сделал шаг, другой, третий, но тут упал и расплакался. Сразу же вошла бабушка, подняла его с пола, успокоила и обещала на меня пожаловаться маме. От этого весь день у меня было плохое настроение.

...Вечером ждали гостей. Именинник крепко спал, и его пока не будили. Мама вовсе и не знала, что Петя сегодня падал. Бабушка промолчала. Хорошая она у меня.

Мама нарядилась в новое голубое платье. Косу, которую она всегда укладывала на затылке, сделала полукругом над головой. Папа надел костюм и белую рубашку с галстуком. Он подошёл к маме — она стояла перед зеркалом — и сказал:

— Какая ты у меня красивая!

А мама рассмеялась, посмотрела в окно и вдруг вскрикнула:

— Проглядели! Гости-то уж во дворе!

Когда все расселись за столом, дверь открылась, и на пороге появилась бабушка с Петей. Гости захлопали в ладоши. Петя был очень хорошенький в своих новых туфельках и матроске — мамином подарке. Он шёл очень важно, не спеша, держась за бабушкин палец.

Папа посмотрел на гостей, улыбнулся и сказал:

— Парень он у нас — герой, только вот сам не ходит пока.

Но в это время Петя увидел маму и неожиданно отпустил палец и пошёл, смешно переставляя ножки. Мама так обрадовалась, что



встала и пошла навстречу Пете. И хорошо сделала, потому что Петя упал, но... прямо на руки маме.

Я почему-то подумала, что Петя расплачется. Но он рассмеялся, посмотрел на всех, застеснялся, спрятал лицо в мамино плечо. Все смеялись. Смеялась и мама. Но вдруг я заметила, как из маминых глаз выбежала слеза, подрожала на щеке и скатилась на платье. Я очень

испугалась. Но папа нисколько не испугался Он обнял маму за плечи и поцеловал прямо при всех в лоб.

Гости захлопали. Всем было весело, все смеялись. Мне тоже было очень весело.





## НИКИТКА

Никитка лежал на печке и глядел, как в углу молилась тётка Меланья. За окном ярко полыхали молнии, после каждой вспышки несколько секунд не было видно язычка свечки перед иконой. В промежутках между раскатами грома, когда всё погружалось в какую-то тревожную томительную тишину, долетали слова молитвы:

— Господи Иисусе... Сохрани ты бедную козу...

Никитка беспокойно ворочался. Это из-за

него пропала коза Машка с двумя козлятами. Он всегда ходил встречать её из стада, а сегодня так заигрался в войну, что не заметил, как склонилось солнце. Спохватился, когда прогремел гром. Над кромкой дальнего леса, за распаханным, словно расчёсанным гребёнкой полем, нависла тёмно-синяя туча. На ней, как на экране у них в сельском клубе, перевёрнутыми кустиками вырисовывались юркие молнии. Край тучи — угловатый, похожий на лягушечью морду — приблизился к солнцу, закрыл его, — и сразу стемнело.

Никитка перемахнул кювет — и бегом домой. Стадо уже в деревне, может быть, Машка сама пришла.

Пронёсся сильный ветер, взвихрил в огромную воронку пыль на дороге. Промчалась полуторка, обогнав Никитку. Из-под колёс испуганной курицей метнулся газетный лист, развернулся в воздухе и ковром-самолётом пролетел над кюветом.

Забежав во двор, мальчик бросился к сараю. Козы не было. «Что делать?» — растерялся он. Потом, не раздумывая долго, кинулся со двора. Но в калитке столкнулся с тёткой Меланьей. Поправляя рвущуюся под ветром полу своего серого плаща, она спросила:

— Где ты шляешься? — и, не дав выговорить, схватила за руку: — Куда опять?

— Машку поищу...

— Вот я тебе поищу! Давай домой — не видишь, что на улице делается!

Последние слова заглушил гром. Тётка испуганно перекрестилась и, не выпуская Никиткиной руки, завела в избу.

— Лезь на печку!

И вот он на печке. От чувства собственной вины тяжело на душе.

— Спаси ты козу нашу... — снова доносился вкрадчивый голос тётки.

Никитка смотрел, как чуть колыхался язычок свечки и на стене точно оживала косая тёткина тень. От молитвы и молний, от дождя, яростно хлеставшего в окна, и, наконец, от этой двигающейся тени становилось страшно. Раньше всегда было просто смешно, что тётка перед едой или сном подолгу простаивала у иконы. Но сейчас Никитка лучше бы убежал куда-нибудь, только бы не видеть сгорбленной фигуры и этих дрожащих тонких пальцев. «Молится... будто и вправду бог ей поможет... — недовольно думает Никитка. — Но где же Машка? — в десятый раз спрашивал он сам себя. — Куда она запропастилась?» И вдруг

у него мелькнула догадка: «А нет ли ее в ложке, там, где маленький кустарник?.. Раза два как-то коза отставала от стада и паслась там. Да, да!.. Она должна быть там!» От радости мальчик даже подскочил, но тут же схватился за голову — совсем забыл, что он на печке и над головой потолок. И тут неожиданно дошло до его сознания: «Ложок-то ведь может затопить!» Такое неожиданное открытие заставило его тотчас решиться бежать на помощь. Ведь это совсем близко, только перебежать огород и небольшой пустырь.

Недолго думая, Никитка крадучись стал слезать с печки, искоса поглядывая на тётку. Потом неслышно прошёл своими босыми ногами к двери — и выскочил во двор.

Косой крупный дождь точно прутьями хлестанул его, вмиг промокли рубашка и штаны. Мальчик немного потоптался в нерешительности и бросился в сторону огорода. С разбега он легко перемахнул жердяную ограду — и вот уже бежит, утопая по щиколотку в мягкой, вязкой земле. Ноги тяжелеют от прилипающей грязи.

На пустыре стало немного легче, да и дождь заметно послабел. Сбоку, над лесом, начал светлеть кусок неба.



Не обегая луж, Никитка бежал напрямик, поднимая фонтаны брызг. Близко, на другом берегу речки, в землю вонзился огненный клин — Никитка пригнулся, и в ту же секунду над головой оглушительно прогрохотал гром. «Только не успугаться... только не побежать обратно»,— подумал Никитка, поднимая голову.

Вот и ложок. Кусты до половины залиты водой. Козы нигде не было. Никитка дважды обежал кусты, громко окликая Машку. «Не провалилась же она сквозь землю?..»

Он в третий раз осмотрел кусты и, совершенно отчаявшись, чуть не заплакал от досады. Хотел бежать обратно, как вдруг услышал громкий, тревожный крик Машки... Она стояла над самым обрывом, норовила спуститься, но боялась. К её боку испуганно прижимался козлёнок. «А где же второй? Неужели свалился?..» Никитка похолодел, представив, как быстрое течение реки несло козлёнка.

Обрыв был невысокий, но крутой. Подбежав, Никитка склонился, поглядел вниз. На узкой полоске берега он увидел второго козлёнка, прижавшегося к размытому обрыву.

— А, вот ты где!

Козлёнок задрал белую мордочку, подал жалобный голос.



— Обожди, я сейчас...

Никитка схватился за куст ивняка, сделал ногой в береге ямку, упёрся и, склонившись, подхватил дрожащего козлёнка под живот.

Выбравшись, он взял обоих козлят под мышки и, весело насвистывая, в сопровождении козы зашагал к дому.

Впустив козу в сарай, бросил охапку свежего сена и пошёл к дому. Осторожно проскользнул в дверь, на цыпочках пробрался к печке, боясь, как бы не оглянулась тётка, которая всё ещё стояла перед иконой, отвешивая низкие, до самого пола, поклоны.

Никитка, дрожа от холода, прижался к тёплой лежанке и блаженно улыбнулся. Теперь его ничто не пугало, даже страшная тень на стене.

Скоро на улице просветлело. Дождь перестал. Из сарая донёсся требовательный крик Машки. Тётка обрадованно прошептала:

— Пришла, родимая! Слава тебе господи... Дошли молитвы...

Никитка не выдержал, прыснул со смеху. Тётка обернулась, погрозила ему:

— У, безбожник. Сидел бы там! — и, взяв бидончик, вышла подоить козу.

Мальчик не обиделся: ладно, старенькая, да и голос у неё был совсем не сердитый...

Он уже засыпал, когда тётка налила полную кружку молока, подала ему с большим куском пшеничного хлеба.

— Ешь, неслух, потом уж и спи,— разбудила она его.

Никитка только теперь почувствовал, что голоден. Жадно откусив хлеб, он запил его большим глотком молока. И никогда ещё молоко не казалось ему таким тёплым и вкусным, как теперь.





## СОСЕД

По субботам Мишкин сосед по квартире Василий Иванович обычно собирался на рыбалку: он раскладывал на полу длинные, чуть не во весь коридор, удилища, кряхтя, ползал на коленях, проверяя крючки, лески, грузила. При этом с его тонкого носа то и дело спадали очки (даже горбинка не спасала), он беспрестанно поправлял их, и начинал сердиться. Доставалось Мишке:

— А ну, не вертись под ногами.

Мишка не обижался. Он спокойно подни-

мался с корточек, перекочёвывал на другое место, а Василий Иванович, посапывая, старательно перевязывал удочки белыми тряпочками и выносил их на улицу. После этого он шёл на кухню и подолгу варил приманку. По всей квартире разносился вкусный запах, приятно щекотавший ноздри.

Мишка тоже любил рыбачить. Но ему почему-то никак не везло: всё попадалась мелочь — ерши или пескаришки, которых хватало лишь кошке. А вот Василий Иванович всегда ловил крупную рыбу и приносил её столько, что всем соседям продавал. В доме никто за рыбой не ходил на базар: всегда брали у Василия Ивановича. Взвешивал он на безмене — маленьких пружинных весах.

Недавно он даже сома поймал, усатого и чёрного, словно головёшка. Налил воды в таз,— сом еле вместился; лежит кренделем, тяжело дышит и лениво шевелит хвостом.

Да, Мишкин сосед был настоящим рыбаком.

Но почему у него ловилась крупная рыба, а у Мишки нет? Ведь крючки у Мишки такие же, лески — тоже одинаковые... Может быть, все дело в удилищах? Правда, удилища у него не то, что у Василия Ивановича, — короткие, кри-

вые. Но он облазил весь березняк за рекой, а удилищ таких и не видал.

Василий Иванович знал хорошие места на речке, где-то далеко, куда он ездил на электричке. Умел он и насадку варить.

Мишка однажды не утерпел и заглянул в кастрюльку:

— Василий Иванович, научите меня варить насадку.

Старик обернулся, бодливо наклонил голову — того и гляди очки спадут и, крякнув, промолчал. Обиженный Мишка вышел из кухни.

Как-то случилось, что Василий Иванович не поехал рыбачить — испортилась погода. Не успел он ещё доварить насадку, как в комнате вдруг что-то с шумом хлопнуло: донёсся звон разбитого стекла. На дворе быстро темнело. Небо заволакивали тучи.

Скоро над окраиной города саблями прохлестнулись молнии, прогромыхал гром.

Всю ночь шёл ливень. К утру он перестал, погода прояснилась. Когда Мишка проснулся, комната была залита восходящим солнцем. Небо чистое-чистое, словно за ночь его старательно промыли. На подоконнике расхаживала стайка голубей. Один, с белыми, как у сороки, боками, настороженно уставился на Мишку

брусничным глазком, потом взлетел. За ним поднялась вся стайка, захлопала крыльями, словно в ладоши.

Мишка быстро оделся, сунул в карман горбушку хлеба и через минуту уже сбегал по лестнице. В сарайчике он взял удочку и помчался на речку.

Ещё издали, на своем любимом месте — в изгибе, у зарослей ивы заметил фигуру рыбака. И удивился, когда, подойдя, узнал Василия Ивановича. Старик сидел на перевёрнутом ведёрке; над водой повисли три длинных удилища, от которых натянутыми струнами спускались лески.

Заслышав шаги, он обернулся и негромко произнёс:

— Ну и место. Больше часа сижу — и без толку.

Мишка осторожно присел неподалеку, закинул свою удочку. Ему сидеть долго не пришлось. Скоро он почувствовал, как удочку дёрнуло. Вскинул её — и на берег, в траву, мягко шлёпнулся ёрш...

Он уже успел поймать несколько ершей, а у Василия Ивановича не клевало. Старик проверил насадку. Но вот тонкий конец одного удилища неожиданно дрогнул — Василий Ива-

нович подался вперёд. А когда удилище хлыстом ударило по воде, потянул на себя. Удилище изогнулось — того и гляди переломится.

Мишка, забыв о своей удочке, вскочил, крикнул радостно:

— Есть!

Василий Иванович спокойно подтягивал сазана. Сверкая на солнце коричневыми плавниками, сазан отчаянно метался на крючке. Но вдруг в тот самый момент, когда Василий Иванович подвёл сачок и уже подхватывал рыбину, случилось то, от чего Мишка чуть не бросился в воду... Сазан рванулся из последних сил — и вверх взлетел пустой крючок с грузилом, а сазан, точно на прощание, шумно шлепнул по воде хвостом и ушел в глубину. Во все стороны стали медленно расходиться широкие гладкие круги.

Василий Иванович с досадой проворчал какие-то ругательства и отбросил сачок.

Между тем солнце взошло уже высоко, стало припекать. Клева больше не было. Мишке захотелось искупаться, и он пошёл вдоль берега. Прошёл метров тридцать, и тут его внимание неожиданно привлекли камыши: они шевелились, хотя ветра не было. Мишка, не веря собственным глазам, подошёл ближе, накло-



нился и всё понял. В тёмно-синей глубине маленького камышиного разводья спокойно плавали чёрные широкоспинные головли, тусклым серебром поблёскивали бока лещей и подлещиков. Сколько их было — не сосчитать! Одни, порезвившись, уходили в заросли, другие выплывали. Вот два подлещика сошлись носами, долго стояли неподвижно, будто слетничали, и вдруг, словно сговорившись, разом вильнули плавниками и разошлись.

Мишка, затаив дыхание, долго смотрел на эту рыбью карусель и вдруг его осенила мысль: «Сачком бы вас», и побежал к старику. Не замечая его грозного взгляда, громко зашептал:

— Василий Иванович! Дайте сачок... Я сейчас верну его...

Мишка так умоляюще глядел на старика, что тот махнул рукой: «Да бери, только отвяжись...» Когда Мишка опустил сачок, рыбы разошлись в разные стороны. Мишка достал хлеба, раскрошил и бросил в воду. Хлеб, намокая, начал медленно опускаться вниз. Рыба не появлялась. Пришлось ещё кинуть хлеба. Наконец, тонко дрогнула тростинка, из-за неё, словно из-за угла, избоченившись, выглянул подлещик. Он набросился на крошки. Тотчас со всех

сторон кинулись другие рыбы. Завихрилась, взбаламутилась вода.

И тут Мишка что было силы рывком поднял сачок. Блеснули серебристые бока метнувшейся стаи, и в ту же минуту сачок отяжелел. Мишка отбежал от воды и тут увидел, какая у него оказалась добыча: в сачке было три подлещика, столько же головлей и один лещ.

Не помня себя от радости, он побежал к Василию Ивановичу. Лицо старика при виде такого улова вытянулось. Он поправил очки, долго трогал леща, прикинул на вес и, крякнув, достал сетку.

— Складывай сюда,— опустив леща, с досадой сплюнул: — А у меня больше так и не клевало.

Он взглянул на солнце, которое, казалось, стояло уже в зените, и сказал:

— Домой пора... Клёва теперь не жди.

...Мать была на кухне, когда Мишка бухнул на стол весь свой улов. Она всплеснула руками:

— Ах, чудо, не рыба... Мишка, учился бы ты так ловить! — и к Василию Ивановичу, который с угрюмой молчаливостью стягивал пиджак:

— Я у вас головлей возьму.

Василий Иванович молча кинул пиджак на спинку стула и ушёл к себе. Мишка хотел сказать матери, что это он сам поймал рыбу, и она может хоть всю жарить, но, поглядев на сгорбившуюся фигуру Василия Ивановича, вдруг осекся. Сказал об этом только тогда, когда сели за стол. Мать посмотрела на него недоверчиво, и вдруг, поднявшись из-за стола, вышла из комнаты. «Не верит, спрашивать пошла...» — обиделся Мишка. Но он ошибся. Мать постучала к соседу и пригласила его в гости:

— Василий Иванович, пожалуйте к нам рыбки покушать.

* * *

Как-то в середине следующей недели, возвратясь с работы, Василий Иванович старательно наточил кухонный нож и, осторожно проведя пальцем по острию, сказал Мишке, словно между прочим:

— Пойду сегодня новые удилища срезать. Хочешь, пошли вместе.

Мишка живо согласился. Он думал, что Василий Иванович поведёт куда-нибудь в дальний лес, и удивился, когда увидел, что они идут в березняк, в тот самый березняк, который он

уже давным-давно облазил и не нашёл порядочного удилища.

Здесь каждое деревце будто кто старательно выбелил извёсткой. Старик долго присматривался, потом подошёл к тонкой берёзке.

Миша, удивлённый, невольно воскликнул:

— Она же кривая! Вон, поглядите, как вверху изогнулась.

Но Василий Иванович, чуть заметно улыбнувшись, молча срезал берёзку. Потом он срезал ещё несколько удилищ и заставил Мишку счистить с них кору. Когда всё было сделано, он перевязал их, скользкие от непросохшего розового сока, и, подойдя к речке, затопил.

— Пусть с недельку помокнут. Промягчеют.

— И тогда мы их легко выправим! Да? — спросил Мишка.

Василий Иванович достал пачку папирос с большой красной звездой, закурил и сквозь кашель ответил:

— Верно...— потом снял очки, долго протирал платком стекла и добавил строго: — А как править?.. Удилище подвешивается за один конец, а к другому крепят какой-нибудь груз: гирю или камень. И пусть себе висит, пока не высохнет. Понял?..

— Понял, — прошептал Мишка. — Ох и удочки у нас будут, не хуже бамбуковых!

— То-то,— Василий Иванович рассмеялся и потрепал Мишку за светлый хохолок.

## СОДЕРЖАНИЕ

*Издательство просит читателей и библиотекарей присылать отзывы об этой книге по адресу: Свердловск, ул. имени Малышева, 24, Свердловское книжное издательство.*

*ДОРОГИЕ РЕБЯТА!*

*Читайте новые книги, которые выпускает для вас Свердловское книжное издательство:*

*Астрид Линдгрен. Малыш и Карлсон, который живёт на крыше (перевод со шведского).*

*„Друзья-приятели“ — сборник рассказов украинских писателей.*

*Вас. Еловских. „Трудное поручение“. Рассказы.*

*Кл. Рождественская. „В старом доме“. Повесть.*

*Г. Шумилов. Рассказы для детей.*

*Телегин Владимир Павлович*

*КОСТИНА МОДЕЛЬ*

Редактор *И. Круглик*
Художественный редактор *Ю. Сакнынь*
Технический редактор *Л. Чемко*
Корректор *Т. Блохина*

*

Подписаио к печати 23/II 1960 г. Уч.-изд. л. 1,97.
Бумага $70 \times 108/_{32}$=1.12 бумажного—3,08 печатного листа.
НС12031. Тираж 30 000. Заказ 28. Цена 70 коп.

*

Типография издательства «Уральский рабочий»,
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

*70 коп.*

*Свердловское Книжное Издательство*
*1960*